

По делу «Гужа против Молдавии»

Европейский Суд по правам человека¹, рассматривая дело Большой Палатой в составе: Жан-Поля Коста, *Председателя Большой Палаты Европейского Суда*, Христоса Розакиса, Николаса Братца, Боштяна Зупанчича, Пера Лоренсена, Франсуазы Тюлькенс, Джованни Бонелло, Жозепа Касадеваля, Райта Марусте, Криштака Трайа, Снежаны Ботучаровой, Станислава Павловского, Леха Гарлицкого, Альвины Гюлумян, Лильяны Мийович, Марка Филлигера, Паавиви Хирвелаа, *судей*, а также при участии Эрика Фриберга, *Секретаря-Канцлера Европейского Суда*,

проведя совещания по делу за закрытыми дверями 6 июня 2007 г. и 9 января 2008 г., в последний из указанных дней вынес следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 14277/04) против Республики Молдова, поданной в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция) г-ном Якобом Гужей (*далее* — заявитель) 30 марта 2004 г.
2. Интересы заявителя при производстве по делу в Европейском Суде представляли г-н В. Грибинчя и г-н В. Замэ, адвокаты, практикующие в г. Кишиневе, и члены общественной организации «Юристы за права человека» [*«Lawyers for Human Rights»*]. Интересы властей Республики Молдова (*далее* — государство-ответчик) представляли г-н В. Пырлог и г-н В. Гросу, Представители Республики Молдова при Европейском Суде по правам человека.
3. В своей жалобе в Европейский Суд заявитель утверждал, что властями государства-ответчика — в результате его, заявителя, увольнения из Генеральной прокуратуры Республики Молдова² за разглашение содержания двух документов, которые, по его мнению, свидетельствовали

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

ДЕЛО «ГУЖА ПРОТИВ МОЛДАВИИ»

[GUJA V. MOLDOVA]

(жалоба № 14277/04)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

12 февраля 2008 г.

Настоящее постановление является окончательным, но в его текст могут быть внесены редакционные изменения.

о вмешательстве высокопоставленного политического деятеля в ведущееся производство по уголовному делу — было допущено нарушение его права на свободу выражения мнения, гарантированного статьей 10 Конвенции, в частности права на распространение информации.

4. Жалоба заявителя была передана в производство Четвертой Секции Европейского Суда (в порядке пункта 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). 28 марта 2006 г. Палата этой Секции приняла решение коммуницировать жалобу государству-ответчику. В соответствии с положениями пункта 3 статьи 29 Конвенции, Палата Четвертой Секции Суда решила рассмотреть жалобу по существу одновременно с рассмотрением вопроса о ее приемлемости для рассмотрения по существу. 20 февраля 2007 г. Палата Четвертой Секции Суда в составе Николаса Братца, *Председателя Палаты Секции Европейского Суда*, Жозепа Касадеваля, Джованни Бонелло, Лильяны Мийович,

Криштака Трайа, Станислава Павловского и Леха Гарлицкого, *судей*, а также при участии Лоуренса Эрли, *Секретаря Секции Суда*, вынесла решение об уступке юрисдикции по делу в пользу Большой Палаты (в порядке статьи 30 Конвенции и правила 72 Регламента Европейского Суда), при том, что ни одна, ни другая сторона не возражали против этой уступки юрисдикции.

5. Состав Большой Палаты был определен на основании положений пунктов 2 и 3 статьи 27 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда.

6. Обе стороны — как заявитель, так и государство-ответчик — представили в Европейский Суд свои замечания по вопросу о приемлемости жалобы для ее дальнейшего рассмотрения по существу и по существу дела. Стороны ответили друг другу на представленные ими замечания.

7. Заседание по делу было проведено публично во Дворце прав человека, г. Страсбург, 6 июня 2007 г. (в порядке пункта 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

В заседании Европейского Суда в составе Большой Палаты приняли участие:

От редакции. По делу заявитель — руководитель Пресс-центра Генеральной прокуратуры Республики Молдова — передал в редакцию газеты два полученных прокуратурой письма. В первом, сопроводительном письме, заместитель Председателя Парламента страны просил Генерального прокурора разобраться в деле четырех сотрудников полиции, которым было предъявлено обвинение в жестоком обращении с задержанными; во втором письме описывались обстоятельства уголовного дела в отношении полицейских. Эти письма не были конфиденциальными документами. Однако заявителя уволили из прокуратуры за то, что он, не обратившись сначала к руководству Генеральной прокуратуры, разгласил содержание якобы конфиденциальных документов, передав письма в газету, считая, что заместитель Председателя Парламента страны оказывает незаконное политическое давление на Генеральную прокуратуру. Иск заявителя о восстановлении на работе удовлетворен не был. Европейский Суд пришел к выводу, что заявитель действовал добросовестно и что опубликование писем отвечало интересам общества. Отметив суровость наказания, которому подвергся заявитель, Суд установил факт нарушения положения статьи 10 Конвенции о праве человека на распространение информации.

¹ Далее — Европейский Суд или Суд.

² Далее — Генеральная прокуратура (*примечание редакции*).

(а) со стороны государства-ответчика
г-н В. Гросу, Представитель Республики Молдова при Европейском Суде по правам человека,
г-н Г. Замисный, консултант;

(b) со стороны заявителя
г-н В. Грибинчя,
г-н В. Замэ, адвокат,
г-н Я. Гужа, заявитель.

Европейский Суд в составе Большой Палаты заслушал выступления г-на Гросу, г-на Грибинчя и г-на Замэ.

ФАКТЫ

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявитель, г-н Якоб Гужа, родился в 1970 году и проживает в г. Кишиневе. В период времени, относящийся к делу, он занимал должность руководителя Пресс-центра Генеральной прокуратуры.

1. Предпосылки возникновения дела

9. 21 февраля 2002 г. четверо сотрудников полиции (М.И., В.А., I.P. и G.V.) задержали лиц, подозреваемых в совершении преступлений, связанных с парламентскими выборами; один из этих лиц подозревался также в том, что он возглавлял преступную группировку. Позже подозреваемые были освобождены из-под стражи и направили в прокуратуру жалобу на то, что эти четверо сотрудников полиции произвели незаконное их задержание и подвергли их жестокому обращению. По результатам рассмотрения жалобы, против этих сотрудников полиции было возбуждено уголовное дело по обвинениям, *inter alia*¹, в производстве незаконного задержания и в жестоком обращении с задержанными.

10. В июне 2002 г. эти четверо сотрудников полиции обратились с письмами, которые они подписали совместно, к Президенту Республики Молдова² Воронину, Премьер-министру Республики Молдова Тарлеву и заместителю Председателя Парламента Республики Молдова³ Мишину. В этих письмах сотрудники полиции просили оградить их от уголовного преследования. Они изложили свою точку зрения на уголовное дело и указали, что действия прокуратуры были противоправными. Они просили о том, чтобы была проведена проверка законности предъявленных им обвинений по уголовному делу. 21 июня 2002 г. г-н Мишин направил полученное им письмо с сопроводительной запиской в Генеральную прокуратуру. Сопроводительная записка была на официальном бланке Парламента Республики Молдова⁴, и на ней не было грифа секретности. В сопроводительной записке указывалось следующее:

«Уважаемый г-н Русу,

После прочтения данного письма возникает вопрос: заместитель Генерального прокурора борется с преступностью или с полицией? Этот вопрос приобретает еще большую актуальность ввиду того обстоятельства, что полицейские, о которых идет речь, работают в одном из самых лучших подразделений Министерства внутренних дел. Их деятель-

ность сейчас стопорится в результате усилий сотрудников Генеральной прокуратуры. Я прошу Вас лично заняться этим делом и разрешить его в строгом соответствии с законом».

11. В январе 2003 г. г-н Воронин посетил Центр по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией. Во время своего посещения он обсуждал, *inter alia*, проблему неправомерного давления, оказываемого некоторыми государственными должностными лицами на правоохранительные органы в отношении уголовных дел в их производстве. Президент страны призвал бороться с коррупцией и предложил сотрудникам правоохранительных органов игнорировать любые попытки государственных должностных лиц оказывать на них давление. Заявления Президента страны были обнародованы средствами массовой информации.

12. В неуказанный в материалах дела день уголовное дело в отношении сотрудников полиции было прекращено.

2. Утечка документов в прессу

13. Несколько дней спустя после того, как г-н Воронин призвал к борьбе с коррупцией, заявитель направил в газету «Журнал де Кишинэу» [*Jurnal de Chişinău*] копии двух писем (далее — письма), которые были получены Генеральной прокуратурой.

14. Первым письмом была сопроводительная записка г-на Мишина (см. выше, пункт 10 настоящего постановления). Вторым было письмо г-на А. Ураски, заместителя Министра внутренних дел Республики Молдова, адресованное заместителю Генерального прокурора Республики Молдова. Оно было на официальном бланке Министерства внутренних дел Республики Молдова⁵, и на нем не было грифа секретности. В этом письме, *inter alia*, указывалось:

«<...> Майор полиции М.И. [один из четырех сотрудников полиции: см. выше, пункт 9 настоящего постановления] был осужден в уголовном порядке 12 мая 1999 г. <...> по обвинениям в совершении преступлений, предусмотренных частью второй статьи 116 [незаконное задержание, угрожающее жизни или здоровью задержанного или причиняющее ему физические страдания], частью второй статьи 185 [злоупотребление служебными полномочиями, сопровождающееся актами насилия, использованием огнестрельного оружия или пытками] и частью второй статьи 193 [принуждение к даче признательных показаний посредством актов насилия и оскорблений] Уголовного кодекса Республики Молдова, и ему было назначено наказание в виде штрафа на сумму 1440 молдавских леев (128 евро). На основании статьи 2 Акта об амнистии он был освобожден от уплаты штрафа.

<...> 24 октября 2001 г. майор М.И. был восстановлен в своей должности в системе Министерства внутренних дел».

3. Статья в газете «Журнал де Кишинэу»

15. 31 января 2003 г. газета «Журнал де Кишинэу» опубликовала статью под заголовком «Вадим Мишин запугивает прокуроров». В статье, *inter alia*, указывалось:

«В конце прошлой недели во время встречи в Центре по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией

¹ *Inter alia* (лат.) — в числе прочего, в частности, в том числе (примечание редакции).

² Далее — Президент (примечание редакции).

³ Далее — заместитель Председателя Парламента (примечание редакции).

⁴ Далее — Парламент (примечание редакции).

⁵ Далее — Министерство внутренних дел (примечание редакции).

Президент призвал правоохранительные ведомства сотрудничать в борьбе с организованной преступностью и коррупцией и предложил им игнорировать телефонные звонки руководящих государственных должностных лиц, касающиеся уголовных дел в производстве этих ведомств.

Инициатива Президента не была случайной. Явление это широко распространилось, особенно за несколько последних лет и стало предметом дебатов в средствах массовой информации и предметом внимания международных организаций.

Недавно в прессе сообщалось о деле депутата Парламента от Партии коммунистов Республики Молдова А.Г., который пытался повлиять на ход расследования по уголовному делу в отношении старого приятеля и высокопоставленного должностного лица в Министерстве сельского хозяйства, который был пойман с поличным. Однако никаких процессуальных действий не последовало <...>.

Также в прессе сообщалось, что г-н Мишин просил Генерального прокурора уволить двух прокуроров — I.V. и P.B., связанных с расследованием по факту исчезновения начальника отдела информационных технологий P.D., явно после того, как они обнаружили доказательства, свидетельствующие о причастности должностных лиц Министерства внутренних дел к данному преступлению.

О результатах внутреннего расследования служебной деятельности этих двух прокуроров пока ничего не известно. Однако источники в прокуратуре рассказали нашей газете, что хотя I.V. и P.B. не были ни в чем виновны, их попросили уволиться по настоянию кого-то из властных структур.

Итак, пока заявления Президента, касающиеся торговлей влиянием, все еще свежи в памяти, мы обнаруживаем новое расследование в отношении высокопоставленных должностных лиц.

Заместитель Председателя Парламента пытается выгородить четверых сотрудников полиции, в отношении которых ведется уголовное расследование. Родство г-на Мишина с полицейскими не новость, поскольку корни его — в полиции. Наши источники сообщили, что это не первый случай, когда г-н Мишин вступает за полицейских, преступивших рамки закона.

<...>

Прокуратура Чеканского района г. Кишинева возбудила уголовное дело в отношении четверых сотрудников полиции <...> после того, как они использовали силу при незаконном задержании группы граждан.

<...> [Эти] сотрудники полиции набросились на задержанных, нанося им удары кулаками и ногами. <...> Более того, было установлено, что один из сотрудников указал ложные сведения в полицейском рапорте о задержании. <...> В отношении четверых сотрудников полиции проводилось расследование по факту насильственного принуждения к даче признательных показаний <...>.

Расследование по уголовному делу в их отношении длилось более одного года. Когда оно почти завершилось, <...> эти сотрудники полиции стали искать защиты у власть предержащих.

<...>

20 июня 2002 г. сотрудники полиции обратились к Президенту Владимиру Воронину, Премьер-министру Василе Тарлеву и заместителю Председателя Парламента Вадиму Мишину с письмами, содержащими просьбу вмешаться, с тем чтобы прекратить расследование, которое, как эти сотрудники заявили, было неправомерным.

<...>

Первым, кто отреагировал на их письмо, был заместитель Председателя Парламента Вадим Мишин. 21 июня 2002 г.

<...> он направил Генеральному прокурору письмо, в котором в командном тоне попросил его вмешаться в уголовное дело в отношении четырех полицейских. Даже хотя он и предложил Генеральному прокурору вмешаться в это дело “в строгом соответствии с законом”, тон письма ясно показывает, что он дал указание разобраться с делом очень быстро.

В результате вмешательства наиболее влиятельных деятелей государства Генеральная прокуратура прекратила расследование по уголовному делу в отношении полицейских и распорядилась провести внутреннее расследование по вопросу о правильности решения о возбуждении против них уголовного дела <...>.

<...>

<...> Источники из Министерства внутренних дел подтвердили, что сотрудник полиции M.I. [один из этих четверых полицейских] был [ранее] признан виновным Апелляционной палатой, и M.I. назначили выплату штрафа в размере 1440 молдавских леев. На основании Акта об амнистии он был освобожден от уплаты этого штрафа. Более того, 24 октября 2001 г. <...> его восстановили в должности в системе Министерства внутренних дел.

Не комментируя постановление Апелляционной палаты, мы хотим лишь сделать некоторые примечания. M.I. был осужден в уголовном порядке по статьям 116, 185 и 193 Уголовного кодекса за злоупотребление служебными полномочиями, насильственное принуждение к даче признательных показаний и незаконное задержание. За совершение этих преступлений Уголовный кодекс предусматривает наказания в виде лишения свободы сроком от одного года до пяти лет. А ему был назначен только штраф.

Более того, Министерство внутренних дел восстановило его в должности в то время, когда в его отношении еще велось расследование».

16. В газетной статье воспроизводились фотографии писем, подписанных г-ном Мишиным и г-ном Урсаки.

4. Реакция Генеральной прокуратуры

17. В неуказанный в материалах дела день Генеральный прокурор Республики Молдова¹ потребовал от заявителя объяснить, каким образом два письма, фигурирующие в деле, оказались опубликованными в прессе.

18. 14 февраля 2003 г. заявитель обратился к Генеральному прокурору с письмом, признавая, что это он направил эти два письма в газету. Он, *inter alia*, указал:

«Мой акт был реакцией на заявления [Президента] относительно борьбы с коррупцией и торговлей влиянием. Я поступил так, потому что был убежден, что помогаю бороться с торговлей влиянием [*trafic de influență*], бичом общества и явлением, которое в последнее время получило все большее распространение.

Я верил и до сих пор верю, что, если каждый из нас считал бы своей обязанностью содействовать разоблачению тех, кто использует свое должностное положение для того, чтобы препятствовать надлежащему отправлению правосудия, положение изменилось бы к лучшему.

Далее, я считаю, что письма, которые я передал в газету «Журнал де Кишинэу», не были секретными. В мои намерения не входило оказать прокуратуре плохую услугу, а, напротив — создать ее положительный имидж».

19. В неуказанный в материалах дела день прокурор I.D., которого подозревали в передаче писем заявителю, был уволен со службы.

¹ Далее — Генеральный прокурор (примечание редакции).

20. 17 февраля 2003 г. заявитель обратился к Генеральному прокурору еще с одним письмом, сообщая, что письма не были получены от I.D. Заявитель добавил:

«Если способ, к которому я прибегнул, считается нарушением служебных правил, то я единственный, кто должен нести ответственность.

Я действовал в соответствии с Законом «О доступе к информации», Законом «О прокуратуре» и Уголовным кодексом. Я верил, что заявления [Президента], осуждающие акты коррупции и торговли влиянием были вполне искренними. К моему великому сожалению, я отмечаю, что Генеральная прокуратура подняла статус письма государственного должностного лица (которое, по моему мнению, является прямым примером неприкрытого политического вмешательства в процесс отправления правосудия) до статуса документа, составляющего государственную тайну. Этот факт в сочетании с увольнением I.D. беспокоит меня и заставляет меня серьезно сомневаться, что в Республике Молдова соблюдаются права человека и принцип верховенства права».

21. 3 марта 2003 г. заявитель был уволен со своей должности. В приказе об его увольнении указывалось, *inter alia*, что письма, переданные заявителем в газету, были секретными и что он — в нарушение требований пунктов 1.4 и 4.11 Внутренних правил Пресс-центра Генеральной прокуратуры (см. ниже, пункт 31 настоящего постановления) — не проконсультировался с другими подразделениями Генеральной прокуратуры прежде, чем передать письма в газету.

5. *Гражданское дело, возбужденное по иску заявителя о восстановлении на работе*

22. 21 марта 2003 г. заявитель обратился в суд с иском против Генеральной прокуратуры о восстановлении на работе. Он утверждал, *inter alia*, что письма, которые он передал в газету, не были в соответствии с законом отнесены к категории секретных документов, что он не был обязан консультироваться с руководителями других подразделений Генеральной прокуратуры до своего вступления в контакт с прессой, что он передал письма в газету по просьбе газеты и что его увольнение составляет нарушение его права на свободу выражения мнения.

23. 16 сентября 2003 г. Апелляционная палата г. Кишинева отказала заявителю в его иске. Апелляционная палата указала в своем решении, *inter alia*, что заявитель нарушил свои обязательства, предусмотренные пунктом 1.4 Внутренних правил Пресс-центра Генеральной прокуратуры, тем, что он не проконсультировался с руководителями других подразделений Генеральной прокуратуры, а также нарушил свои обязательства, предусмотренные пунктом 4.11 Внутренних правил, тем, что обнародовал секретные документы.

24. Заявитель обжаловал данное судебное решение, выдвинув те же аргументы, что и при первоначальном обращении в суд с иском. Он также утверждал, что передача писем в газету не принесла никакого вреда его работодателю.

25. 26 ноября 2003 г. Высшая судебная палата Республики Молдова оставила жалобу заявителя без удовлетворения по тем же основаниям, что и Апелляционная палата г. Кишинева, и отказала заявителю в его иске. Упомянув аргументы заявителя относительно свободы выражения мнения, Высшая судебная палата указала в своем постановлении, что получение информации посредством злоупотребления служебным положением не является частью свободы выражения мнения [*dreptul la exprimare nu presupune dobândirea informației abuziv, folosind atribuțiile de serviciu*].

26. Ни Генеральная прокуратура, ни заместитель Председателя Парламента Мишин, похоже, не оспаривали под-

линность писем, опубликованных в газете «Журнал де Кишинэу», или достоверность информации, содержащейся в газетной статье от 31 января 2003 г., и не предпринимали в связи с этим каких-либо действий.

6. *Заявление о преступлении, поданное газетой «Журнал де Кишинэу»*

27. Поскольку Генеральная прокуратура не реагировала в форме, которую ожидала от нее газета «Журнал де Кишинэу» после публикации статьи 31 января 2003 г. (см. выше, пункт 15 настоящего постановления), газета возбудила производство в суде с целью вынесения судом постановления, обязывающего Генеральную прокуратуру возбудить уголовное дело по факту предполагаемого вмешательства г-на Мишина в ведущееся расследование по уголовному делу. Газета утверждала, *inter alia*, что в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Республики Молдова, газетные статьи и письма, публикуемые в газетах, могут быть основанием для возбуждения уголовного дела и что на Генеральном прокуроре лежит обязанность распорядиться о проведении расследования.

28. Заявление газеты было отклонено Рышканским районным муниципальным судом 25 марта 2003 г. и Окружным трибуналом г. Кишинева 9 апреля 2003 г. Эти судебные инстанции установили, *inter alia*, что у газеты не имелось процессуальной правоспособности обращаться с подобным заявлением в суд и что в любом случае статья от 31 января 2003 г. была просто газетной статьей, выражающей личную точку зрения, а не официальной просьбой о возбуждении уголовного дела.

7. *Последующая статья в газете «Журнал де Кишинэу»*

29. 14 марта 2003 г. газета «Журнал де Кишинэу» опубликовала статью, развивающую тему своей статьи от 31 января 2003 г. Эта последующая статья была озаглавлена «Мишин приступил к разгрому прокуроров». В материале описывались события, последовавшие после опубликования первой статьи, и указывалось, что г-н Мишин был разъярен публикацией этой статьи и дал указание Генеральному прокурору установить и наказать лиц, ответственных за разглашение в прессе его сопроводительной записки. Генеральный прокурор уступил и объявил войну своим подчиненным, которые отказались терпеть политическое вмешательство в функционирование системы уголовной юстиции. В статье указывалось, что действия Генерального прокурора укладывались в общую тенденцию, наметившуюся в последние годы, — заменять лиц, имеющих значительный профессиональный опыт, которые не готовы следовать правилам, введенным новым правительством, людьми с сомнительным прошлым. В статье утверждалось, что источники в Генеральной прокуратуре сообщили газете, что Генеральная прокуратура систематически получала указания от г-на Мишина и советников Президента по вопросу о том, кого следует принять на работу, а кого следует уволить. Только за предыдущий год тридцать опытных прокуроров уволили из прокуратуры г. Кишинева.

В статье также рассказывается история увольнения заявителя как результат давления со стороны г-на Мишина и указывается, что источники в Генеральной прокуратуре рассказали газете, что их ведомство получило десятки писем от г-на Мишина и V.S. (другое высокопоставленное государственное должностное лицо) в связи с ведущимися расследованиями по уголовным делам.

Согласно тому, что сообщили газете ее источники, два прокурора были уволены по настоянию г-на Мишина, потому что они обнаружили инкриминирующий материал против него в ходе расследования по факту исчезновения важного

предпринимателя P.D. После их увольнения расследование по этому уголовному делу было прекращено.

II. ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЛУ МАТЕРИАЛЫ, НЕ СВЯЗАННЫЕ С КОНВЕНЦИЕЙ

A. Национальное законодательство и правоприменительная практика

1. Трудовой кодекс Республики Молдова

30. Статья 263/1 Трудового кодекса Республики Молдова в период времени, фигурирующий по делу, предусматривала, что работники центральных органов власти могли быть уволены со службы за серьезное нарушение своих служебных обязанностей.

2. Внутренние правила Пресс-центра Генеральной прокуратуры

31. Пункты 1.4 и 4.11 Внутренних правил Пресс-центра Генеральной прокуратуры гласят следующее:

«1.4 Пресс-центр планирует или организует совместно с редакциями газет, журналов, радиостанций и телевидения и с руководителями других подразделений материалы для опубликования в средствах массовой информации, касающиеся деятельности Генеральной прокуратуры.

<...>

4.11 [Руководитель Пресс-центра] отвечает за качество публикуемых материалов, точность получаемой и предоставляемой информации и за сохранение тайны в соответствии с законодательством Республики Молдова».

32. В период времени, фигурирующий по делу, ни Внутренние правила прокуратуры, ни законодательство Республики Молдова в целом не содержали никакого положения, касающегося обнародования сотрудниками данных о правонарушениях, совершённых по месту их работы.

3. Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова

33. Уголовный кодекс Республики Молдова¹ в период времени, фигурирующий по делу, в статье 190/1 содержал положение, запрещающее какое-либо вмешательство в расследование по уголовному делу. Эта норма гласила:

«Любое вмешательство в расследование по уголовному делу, а именно — противоправное оказание давления в какой бы то ни было форме в деятельность лица, производящего расследование, <...> наказывается лишением свободы на срок до двух лет или штрафом в размере до ста минимальных размеров оплаты труда».

34. Статья 90 Уголовно-процессуального кодекса Республики Молдова² в период времени, фигурирующий по делу, указывала, *inter alia*, что информация о преступлениях, содержащаяся в газетных статьях, или заметках, или письмах, опубликованных в газете, может служить для прокуратуры основанием для возбуждения уголовного дела.

35. Статья 122 Уголовно-процессуального кодекса предусматривала, что на стадии расследования материалы уголовного дела не могут быть преданы гласности, за исключением случаев, когда имеется разрешение лица, производящего расследование.

4. Организация прокуратуры в Республике Молдова

36. Согласно статье 125 Конституции Республики Молдова³ прокуроры независимы.

37. Имеющие отношение к настоящему делу положения Закона Республики Молдова «О прокуратуре» гласят следующее:

«Статья 3. Основные принципы деятельности прокуратуры

1. Прокуратура:

— выполняет свои функции независимо от органов государственной власти <...> в соответствии с законом; <...>

3. <...> Прокурорам и следователям запрещено быть членами какой-либо политической партии или иной общественно-политической организации, и они отвечают только перед законом <...>».

«Статья 13. Генеральный прокурор

1. Генеральный прокурор:

(i) назначается Парламентом по представлению Председателя Парламента сроком на 5 лет; а также

(ii) имеет первого заместителя и заместителей, назначаемых на свои должности Парламентом по представлению Генерального прокурора <...>».

5. Закон Республики Молдова «О подаче петиций» и Закон Республики Молдова «О статусе депутата»

38. Закон Республики Молдова «О подаче петиций»⁴ требует, чтобы государственные должностные лица или государственные органы отвечали на письменные петиции граждан в 30-дневный срок. Если петиция относится к компетенции другого органа, она направляется этому органу в течение трех рабочих дней со дня регистрации петиции.

39. Имеющие отношение к настоящему делу положения Закона Республики Молдова «О статусе депутата»⁵ от 7 апреля 1994 г. предусматривают следующее:

Часть первая статьи 22

«Депутат вправе обращаться во все государственные и общественные органы, а также к должностным лицам по вопросам, связанным с депутатской деятельностью, и принимать участие в их рассмотрении».

Часть первая статьи 23

«Депутат как представитель высшей законодательной власти вправе на месте потребовать прекращения нарушения закона, а в случае необходимости обратиться к соответствующим органам и должностным лицам с требованием пресечь нарушение закона, прав и законных интересов граждан <...>».

¹ Далее — Уголовный кодекс (примечание редакции).

² Далее — Уголовно-процессуальный кодекс (примечание редакции).

³ Далее — Конституция (примечание редакции).

⁴ Далее — Закон «О подаче петиций» (примечание редакции).

⁵ Далее — Закон «О статусе депутата» (примечание редакции).

В. Доклады международных организаций по вопросу о разделении властей и независимости судебной власти в Республике Молдова

40. В имеющихся отношении к настоящему делу разделах доклада 2004 года Международной комиссии юристов по вопросу о воплощении в Республике Молдова принципа верховенства права указывалось:

«<...> Делегация, направленная с миссией в Республику Молдова Центром за независимость судей и адвокатов Международной комиссии юристов, пришла к заключению, что несмотря на все усилия, предпринимаемые в период после провозглашения независимости страны молдавским правительством с целью реформировать свою систему правосудия, процесс воплощения в стране принципа верховенства права страдает серьезными недостатками, которые требуют исправления. Делегация установила, что нарушение принципа разделения властей вновь привело к тому, что судебная власть в основном подчиняется диктату правительства. Вновь имеет место практика “телефонного права”. Через Высший совет магистратуры¹, который не является независимым органом, исполнительная власть имеет значительную возможность влиять на назначение судей. Помимо обвинений в коррупции, судебная власть страны в последние три года регрессировала, что выливается в судебные решения, искажающие процесс правосудия по делам, где на кону стоят интересы правительства <...>».

41. В докладе по Республике Молдова 2003 года международной организации «Фридом хаус» [Freedom House]² указывалось, *inter alia*, что:

«<...> В 2002 году принцип верховенства права был поставлен под угрозу в Республике Молдова <...>. На хрупком балансе власти между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти сказались также серия назначений судей в 2002 году, произведенных на основе критерия лояльности правящей партии, смещение парламентского адвоката³ с его поста и попытки ограничить независимость Конституционного суда <...>. В апреле 2002 г. Ассоциация судей Республики Молдова сигнализировала, что правительство начало процесс “массовых чисток” в судебном секторе. Семь судей потеряли свою работу <...>. Ситуация ухудшилась, когда Президент Воронин отказался продлить сроки полномочий 57 других судей <...>».

42. В докладе 2003 года программы «Правовая инициатива» института «Открытое общество»⁴ и организации «Фридом хаус» по Республике Молдова указывалось, *inter alia*, следующее:

« <...> появилась практика “взятия на контроль” определенных дел, представляющих интерес для лидеров комму-

нистов или государственных органов власти. Эта практика предполагает следующее: Высший совет магистратуры (ВСМ) или Высшая судебная палата (в обоих ведомствах председательствует одно и то же лицо) получает указания от Администрации Президента, от Правительства или Парламента относительно конкретного дела и требуемого его разрешения (такие указания даются также и в устной форме). Получив такие указания, Высшая судебная палата или ВСМ обращаются непосредственно к председателю суда в тех случаях, когда рассматривается конкретное дело с предписанием рассмотреть того или иного дела “взять на личный контроль”. Так называемое “взятие на контроль” дела означает прямое указание, как разрешать конкретные дела».

С. Материалы ООН

43. Конвенция № 158 Международной организации труда «О прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя», которая была ратифицирована Республикой Молдова 14 февраля 1997 г., в части, имеющей отношение к настоящему делу, гласит следующее:

Статья 5

«Следующие причины не являются, в частности, законным основанием для прекращения трудовых отношений:

<...>

(с) подача жалобы или участие в деле, возбужденном против предпринимателя по обвинению в нарушении законодательства либо правил, или обращение в компетентные административные органы <...>».

44. Конвенция ООН против коррупции, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН резолюцией № 58/4 от 31 октября 2003 г. и действовала с 14 декабря 2005 г., в части, имеющей отношение к настоящему делу, гласит следующее:

Статья 33

«Защита лиц, сообщающих информацию»

Каждое Государство-участник рассматривает возможность включения в свою внутреннюю правовую систему надлежащих мер для обеспечения защиты любых лиц, добросовестно и на разумных основаниях сообщающих компетентным органам о любых фактах, связанных с преступлениями, признанными таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, от любого несправедливого обращения».

На день, когда было вынесено настоящее постановление, данная Конвенция была подписана 140 странами, и ее ратифицировали или к ней присоединились 77 стран, не включая Республику Молдова.

¹ В Республике Молдова судьи назначаются Президентом по представлению Высшего совета магистратуры, который в целом осуществляет управление судебным сообществом. Он состоит из 11 магистратов, срок полномочий которых 5 лет. В Высший совет магистратуры входят по праву Министр юстиции, Председатель Высшей судебной палаты, Председатель Апелляционной палаты, Председатель Экономического суда и Генеральный прокурор. Трое магистратов избираются тайным голосованием объединенными коллегиями Высшей судебной палаты, трое — Парламентом из числа штатных профессоров. Высший совет магистратуры обеспечивает назначение, перемещение, повышение судей и применение к ним дисциплинарных мер (*примечание редакции*).

² Международная неправительственная некоммерческая организация «Фридом хаус» («Дом свободы») базируется в Вашингтоне (США) и получает финансирование от ряда международных благотворительных фондов и организаций. Доклады и сопровождающие их рейтинги «Фридом хаус» публикует с 1973 года, анализируя политические и гражданские свободы по многим критериям, среди которых состояние свободы слова, развитие институтов гражданского общества, независимость судов, уровень коррупции и др. С 1978 года «Фридом хаус» выпускает ежегодные доклады «О состоянии свободы в мире», в которых анализируется состояние дел с политическими правами и гражданскими свободами в различных государствах и присваиваются соответствующие рейтинги, по которым страны делятся на «свободные», «частично свободные», «несвободные» (*примечание редакции*).

³ Парламентский адвокат — институт, аналогичный омбудсмену или уполномоченному по правам человека (*примечание редакции*).

⁴ Программа Института «Открытое общество» (часть Фонда Сороса), которая ставит целью распространение в странах мира правовых знаний, укрепление правовых институтов и продвижение реформ, направленных на защиту прав человека. Основными направлениями деятельности являются реформа национальных систем уголовного правосудия; международное правосудие; свобода информации и выражения мнения; борьба с коррупцией; равенство граждан (*примечание редакции*).

С. Материалы Совета Европы

45. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. в части, имеющей отношение к настоящему делу, гласит следующее:

«Преамбула

Государства — члены Совета Европы и другие государства, подписавшие настоящую Конвенцию,

<...>

подчеркивая, что коррупция угрожает верховенству права, демократии и правам человека, подрывает эффективное государственное управление, нарушает принципы равенства и социальной справедливости, ведет к искажению условий конкуренции, затрудняет экономическое развитие и угрожает стабильности демократических институтов и моральным устоям общества;

<...>

договорились о нижеследующем:

<...>

Статья 22 — Защита сотрудничающих с правосудием лиц и свидетелей

Каждая Сторона принимает такие меры, которые могут потребоваться для обеспечения эффективной и надлежащей защиты:

а. тех, кто сообщает об уголовных преступлениях, квалифицированных в качестве таковых в соответствии со статьями 2—14, или иным образом сотрудничает со следствием или органами, осуществляющими уголовное преследование;

б. свидетелей, дающих показания, касающиеся этих преступлений».

В Пояснительном докладе к этой Конвенции в отношении статьи 22 говорится следующее:

«111. <...> слово “свидетели” относится к лицам, располагающим информацией, которая имеет отношение к уголовным делам о коррупционных преступлениях, как они предусмотрены в статьях 2—14 настоящей Конвенции; к этим лицам относятся и внутриведомственные доносители».

Данная Конвенция была подписана Республикой Молдова 24 июня 1999 г. и вступила в силу в отношении Республики Молдова 1 мая 2004 г.

46. Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 г. в части, имеющей отношение к настоящему делу, гласит следующее:

«Преамбула

Государства — члены Совета Европы, другие государства и Европейское сообщество, подписавшие настоящую Конвенцию,

<...>

подчеркивая, что коррупция представляет собой серьезную угрозу верховенству права, демократии и правам человека, равенству и социальной справедливости, затрудняет экономическое развитие и угрожает надлежащему и справедливому функционированию рыночной экономики;

осознавая вредные финансовые последствия коррупции для частных лиц, компаний и государств, а также для международных институтов;

<...>

договорились о нижеследующем:

<...>

Статья 9 — Защита служащих

Каждая Сторона предусматривает в своем внутреннем законодательстве надлежащую защиту от любой неоправданной меры против служащих, которые имеют серьезные основания подозревать наличие коррупции и добросовестно сообщают о своем подозрении компетентным лицам или властям».

В Пояснительном докладе к этой Конвенции в отношении ее статьи 9 говорится следующее:

«66. В настоящей статье речь идет о необходимости для каждой Стороны принимать необходимые меры для защиты служащих, которые добросовестно и в разумной степени обоснованно сообщают о своих подозрениях о коррупционной практике или коррупционном поведении, от того, чтобы стать жертвой преследования.

67. Что касается вопроса о необходимых мерах для защиты служащих, о которых идет речь в статье 9 Конвенции, то в законодательстве Сторон могло бы быть, например, предусмотрено, что работодатели обязаны выплачивать компенсацию служащим, ставшим жертвами незаконных санкций.

68. На практике случаи коррупции трудно поддаются выявлению и расследованию, и часто первыми, кто узнаёт о неправомерном поведении или начинает подозревать, что что-то не так, бывают служащие или коллеги (будь-то в частной организации или в государственном ведомстве) замешанных в коррупции лиц.

69. Формулировка “надлежащая защита от любой неоправданной меры” подразумевает, что в силу настоящей Конвенции любая санкция против служащих, вынесенная на том основании, что они доложили об акте коррупции лицам или государственным органам, ответственным за принятие такой информации, оправдана не будет. Такое сообщение об акте коррупции не должно рассматриваться как нарушение обязанности сохранять служебную конфиденциальность. Примерами неоправданных санкций могут служить увольнение с работы или понижение в должности этих лиц либо иные действия, ограничивающие их продвижение по службе.

70. Должно быть совершенно ясно, что, хотя никто не может воспретить работодателям принимать необходимые меры против своих служащих на основании соответствующих норм (например, в сфере трудового законодательства), применимых к обстоятельствам дела, работодатели не должны налагать неоправданные санкции на служащих только лишь на том основании, что служащие докладывают о своих подозрениях лицам или государственным органам, ответственным за принятие такой информации.

71. По этой причине необходимая защита служащих, которую должны обеспечить Стороны, должна поощрять служащих докладывать о своих подозрениях лицам или государственным органам, ответственным за принятие такой информации. Действительно, во многих случаях лица, располагающие информацией о коррупционной деятельности, не сообщают о ней из-за страха перед возможными негативными последствиями.

72. Что касается таких служащих-информаторов, то их защита распространяется только на те случаи, когда у них имеются разумные основания сообщать о своих подозрениях и сообщать добросовестно. Иными словами, защита распространяется на реальные случаи, а не на случаи злонамеренных доносов».

Данная Конвенция была подписана Республикой Молдова 4 ноября 1999 г. и вступила в силу в отношении Республики Молдова 1 июля 2004 г.

47. Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 11 мая 2000 г. о кодексах поведения для государственных служащих (документ Res(2000)10) в части, имеющей отношение к настоящему делу, гласит следующее:

«Статья 11

Полностью осознавая наличие у него права доступа к официальной информации, государственный служащий обязан, соблюдая необходимую конфиденциальность, соответственно обращаться со всей информацией и всеми документами, полученными при исполнении или в связи с исполнением своих служебных обязанностей.

Статья 12 — Доведение до сведения

<...>

Полностью осознавая наличие у него права доступа к официальной информации, государственный служащий обязан, соблюдая необходимую конфиденциальность, соответственно обращаться со всей информацией и всеми документами, полученными при исполнении или в связи с исполнением своих служебных обязанностей».

ВОПРОСЫ ПРАВА

48. В своей жалобе в Европейский Суд заявитель указал, что его увольнение с работы за передачу фигурирующих по делу писем в газету «Журнал де Кишинэу» приравнивается к нарушению его права на свободу выражения мнения и, в частности, его права распространять информацию и идеи среди третьих лиц. Статья 10 Конвенции гласит следующее:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

I. ВОПРОС О ПРИЕМЛЕМОСТИ ЖАЛОБЫ ДЛЯ ЕЕ РАССМОТРЕНИЯ ПО СУЩЕСТВУ

A. Пункт жалобы заявителя, касающийся статьи 6 Конвенции

49. В своей первоначально представленной жалобе заявитель указал — со ссылкой на положения статьи 6 Конвенции — что национальные суды не рассмотрели его доводы при рассмотрении дела о его восстановлении на работе. Однако в своих последующих представлениях в Европейский Суд заявитель просил Суд не рассматривать жалобу в данном ее пункте. Соответственно, Суд жалобу в данном пункте рассматривать не будет.

B. Пункт жалобы заявителя, касающийся статьи 10 Конвенции

50. Государство-ответчик не оспаривало подлинность письма, которое было направлено г-ном Мишиным Генеральному прокурору. Однако государство-ответчик утверждало, что не имело места никакое вмешательство публичных властей в осуществление заявителем своего права на свободу выражения мнения, потому что он не являлся автором статей, которые были опубликованы в газете «Журнал де Кишинэу», и был уволен с должности не за осуществление своего права на свободу выражения мнения, а просто за нарушение Внутренних правил Пресс-центра Генеральной прокуратуры. По мнению государства-ответчика, поскольку жалобы заявителя по сути относились к его трудовым правам, статья 10 Конвенции в деле не применима.

51. Заявитель утверждал, что статья 10 Конвенции вполне применима в настоящем деле, несмотря на то обстоятельство, что он не был автором писем, которые были направлены в газету. Исходя из правовых позиций Европейского Суда, выраженных в его постановлении по делу «Тома против Люксембурга» [*Thoma v. Luxembourg*] (жалоба № 38432/97), Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2001-III, и постановлений от 23 сентября 1994 г. по делу «Йерсильд против Дании» [*Jersild v. Denmark*], § 31, серия «А», № 298, заявитель указал в своей жалобе, что Европейский Суд уже установил в своей прецедентной практике, что свобода выражения мнения также распространяется на право человека распространять информацию, полученную от третьих лиц.

52. Европейский Суд вновь подтверждает, что правовая защита статьи 10 Конвенции распространяется на место работы вообще и на государственных служащих в частности (см. постановление Европейского Суда от 26 сентября 1995 г. по делу «Фогт против Германии» [*Vogt v. Germany*], серия «А», № 323, § 53; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вилле против Лихтенштейна» [*Wille v. Liechtenstein*] (жалоба № 28396/95), § 41, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 1999-VII; постановление Европейского Суда от 2 сентября 1998 г. по делу «Ахмед и другие заявители против Соединенного Королевства» [*Ahmed and Others v. the United Kingdom*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [Reports of Judgments and Decisions] 1998-VI, § 56; а также постановление Европейского Суда от 29 февраля 2000 г. по делу «Фуэнтес Бобо против Испании» [*Fuentes Bobo v. Spain*] (жалоба № 39293/98), § 38).

53. Заявитель направил письма в газету, которая впоследствии опубликовала их. Поскольку статья 10 Конвенции предусматривает и свободу распространять информацию и поскольку заявитель был уволен со своей должности за свое участие в опубликовании писем, Европейский Суд отклоняет предварительное возражение государства-ответчика.

54. Европейский Суд считает, что жалоба заявителя со ссылкой на статью 10 Конвенции поднимает вопросы права и факта, которые достаточно серьезны для того, чтобы быть разрешенными на основе исследования дела по существу, и при этом никаких оснований для объявления жалобы неприемлемой для рассмотрения по существу установлено не было. Европейский Суд поэтому объявляет жалобу приемлемой для ее дальнейшего рассмотрения по существу. В соответствии со своим решением применить по делу пункт 3 статьи 29 Конвенции (см. выше, пункт 4 настоящего постановления) Суд немедленно рассмотрит дело по существу.

II. ВОПРОС О СУЩЕСТВЕ ДЕЛА

А. По вопросу о наличии акта вмешательства публичных властей в осуществление заявителем своего права

55. Европейский Суд установил выше, в пункте 53 настоящего постановления, что статья 10 Конвенции применима в настоящем постановлении. Суд далее находит, что согласно первому пункту этой статьи увольнение заявителя с его должности за обнаружение писем приравнивается к «акту вмешательства публичных властей в осуществление» его права на свободу выражения мнения.

56. Такое вмешательство публичных властей в осуществление заявителем своего права образует нарушение требований статьи 10 Конвенции, если только это вмешательство не было «предусмотрено законом», не преследовало одну или более законную цель (согласно пункту 2 статьи) и не было «необходимым в демократическом обществе» для достижения этих целей.

В. По вопросу о том, было ли вмешательство публичных властей в осуществление заявителем своего права «предусмотрено законом»

57. В своих первоначальных представлениях в Европейский Суд заявитель утверждал, что вмешательство публичных властей в осуществление им своего права не было предусмотрено законом, поскольку правовая норма, из которой исходили национальные власти, не была в достаточной мере предсказуемой. Однако в своем последующем устном pleading он на этой позиции не настаивал.

58. Европейский Суд отмечает, что заявитель уволен со своей должности на основании статьи 263/1 Трудового кодекса Республики Молдова за нарушение пунктов 1.4 и 4.11 Внутренних правил Пресс-центра Генеральной прокуратуры (см. выше, пункт 31 настоящего постановления). Однако поскольку стороны в деле не оспаривали далее в Суде эту позицию, Суд продолжит свое изучение обстоятельств дела, исходя из того, что положения пунктов 1.4 и 4.11 Внутренних правил Пресс-центра Генеральной прокуратуры отвечали требованию о том, что вмешательство публичных властей в осуществление заявителем своего права было «предусмотрено законом».

С. По вопросу о том, преследовало ли вмешательство публичных властей в осуществление заявителем своего права законную цель

59. Заявитель утверждал, что вмешательство публичных властей в осуществление заявителем своего права не преследовало никакой законной цели. Государство-ответчик указало, что законные цели, преследуемые в настоящем деле, состоят в том, чтобы обеспечить авторитет правосудия, предотвратить преступления и защитить репутацию других лиц. Европейский Суд со своей стороны готов согласиться с тем, что преследуемой государством законной целью было предотвращение разглашения информации, полученной на доверительной основе. Решая вопрос таким образом, Суд находит важным то, что во время своего увольнения с должности заявитель отказался раскрыть источник информации, из чего можно заключить, что эта информация не была легко или открыто доступной (см. решение Комиссии по правам человека от 13 мая 1992 г. по делу «Хэйзелдайн против Соединенного Королевства» [*Haseldine v. the United Kingdom*] (жалоба № 18957/91), Сборник решений и докладов Комиссии по правам человека [DR] 73). Европейский Суд должен поэтому рассмотреть вопрос, было ли вмеша-

тельство публичных властей в осуществление заявителем своего права необходимым в демократическом обществе, в частности, имелось ли пропорциональное соотношение между вмешательством публичных властей в осуществление заявителем своего права и преследуемой при этом целью.

Д. По вопросу о том, было ли вмешательство публичных властей в осуществление заявителем своего права необходимым в демократическом обществе

1. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

(а) Доводы заявителя

60. В соответствии с тем, что указал заявитель в своих представлениях Европейскому Суду, предание писем гласности следовало рассматривать как сигнализирование о противоправных действиях.

61. Заявитель указал сначала на то обстоятельство, что он действовал добросовестно и что, когда он передал письма в газету, он был убежден, что они содержали информацию, касающуюся факта совершения серьезного правонарушения заместителем Председателя Парламента. Единственная причина для предания этой информации гласности состояла в том, чтобы помочь борьбе с коррупцией и с торговлей влиянием. Заявитель не согласился с тем, что целью сопроводительной записки г-на Мишина была попросту пересылка письма сотрудников полиции Генеральному прокурору в соответствии с Законом «О подаче петиций» (см. выше, пункт 38 настоящего постановления), а также с тем утверждением, что действия г-на Мишина соответствовали положениям статей 22 и 23 Закона «О статусе депутата» (см. выше, пункт 39 настоящего постановления). Заявитель далее утверждал, что письма не являлись материалами, приобщенными к уголовному делу.

Заявитель утверждал, что в свете того, каким образом Генеральный прокурор и его заместители были назначены на свои посты, и ввиду доминирующего положения Партии коммунистов Республики Молдова¹ в Парламенте страны Генеральная прокуратура воспринимается обществом как находящаяся под сильным влиянием Парламента. Независимость Генеральной прокуратуры гарантирована в теории, но не на практике. По утверждению заявителя, Генеральный прокурор мог быть смещен со своего поста по усмотрению Парламента без указания каких-либо причин. В 2002—2003 гг. были уволены со своих должностей более тридцати прокуроров, которые не считались лояльными по отношению к Партии коммунистов. Более того, г-н Мишин, который некогда был одним из руководителей правящей партии и является заместителем Председателя Парламента, также воспринимается обществом как систематически использующий свое положение для оказания влияния на результаты рассмотрения дел в судах.

Заявитель добавил, что из формулировок письма, написанного г-ном Мишиным, недвусмысленно вытекает, что намерением его автора было оказать влияние на результаты рассмотрения уголовного дела по обвинению четверых сотрудников полиции. Такие действия образуют состав преступления, предусмотренного статьей 190/1 Уголовного кодекса (см. выше, пункт 33 настоящего постановления). Заявитель также указал на то обстоятельство, что после получения указанного письма Генеральный прокурор своим распоряжением возобновил расследование по данному уголовному делу и вскоре после этого производ-

¹ Далее — Партия коммунистов (примечание редакции).

ство по уголовному делу было прекращено. В соответствии с тем, что указал заявитель в своих представлениях Европейскому Суду, тот факт, что четверо сотрудников полиции решили попросить государственных представителей высшего уровня проверить законность выдвинутых против этих сотрудников уголовных обвинений, указывал на существование в Республике Молдова практики, идущей вразрез с принципом разделения властей. Крайне маловероятно, что сотрудники полиции, занимающиеся расследованием преступления, были бы в неведении относительно того, что власти, которым они адресовали свои письма, не имели судебных функций.

В соответствии с тем, что указал заявитель в своих представлениях Европейскому Суду, обнародованная им информация представляла, таким образом, большой общественный интерес.

62. Для того чтобы предать гласности информацию, у заявителя не было иного выбора, как обратиться в газету. Поскольку в Молдавии нет законодательства о защите внутриведомственных информаторов, в распоряжении служащих нет какой-либо процедуры для сигнализирования о правонарушениях, совершаемых по месту работы. Заявитель указал, что было бы бесполезно доводить проблему до сведения Генерального прокурора, поскольку он не является независимым должностным лицом. Даже хотя в течение около шести месяцев он знал о письме г-на Мишина, похоже, что он просто скрывал факт существования этого письма, при этом выполняя указанные в нем условия. Отказ прокуратуры возбудить уголовное дело в отношении г-на Мишина после публикации газетной статьи (см. выше, пункты 15 и 29 настоящего постановления) свидетельствует о том, что какое-либо обращение в прокуратуру было бы тщетным. Более того, у заявителя имелись разумные основания опасаться, что доказательства были бы сокрыты или уничтожены, представь он их своим вышестоящим руководителям.

Заявитель также указал, что было бы неразумно ожидать от него обращения в Парламент, потому что 71 из 101 его депутата были от правящей Партии коммунистов, и не было в практике прецедента привлечения депутата от этой партии к уголовной ответственности за совершение преступления. Более того, в период между 2001 годом и 2004 годом ни одна инициатива, с которой выступала парламентская оппозиция и которая противоречила интересам правящей партии, не имела никакого успеха в Парламенте.

63. Заявитель также жаловался в Европейский Суд на суровость наложенного на него взыскания и указал, что оно была самым строгим из числа возможных взысканий.

(b) Доводы государства-ответчика

64. По мнению государства-ответчика, предание гласности информации, о которой идет речь по настоящему делу, нельзя приравнивать к правомерному сигнализированию о правонарушении.

65. Государство-ответчик сочло, что указанные выше письма были внутриведомственными документами, к которым заявитель в силу своих должностных обязанностей в обычных условиях доступа не имел бы. Он, таким образом, попросту «похитил» их. Более того, письма, переданные гласности заявителем, имели конфиденциальный характер и были приобщены к материалам уголовного дела. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом материалы уголовного дела не могут быть преданы гласности, за исключением случаев, когда имеется разрешение лица, производящего расследование (см. выше, пункт 35 настоящего постановления).

Добросовестность заявителя также вызывает сомнения, указало государство-ответчик, потому что письмо, написанное г-ном Мишиным, нельзя было рассматривать как форму незаконного давления на Генерального прокурора. Фраза из письма «Я прошу Вас лично заняться этим делом и разрешить его в строгом соответствии с законом» является нормальной и не противоречащей закону формулировкой, используемой при общении между собой различными государственными органами. Г-н Мишин просто направил письмо, полученное от четверых сотрудников полиции, в компетентный орган власти — Генеральную прокуратуру — в соответствии с Законом «О подаче петиций» (см. выше, пункт 38 настоящего постановления) и Законом «О статусе депутата» (см. выше, пункт 39 настоящего постановления). Согласно последнему закону депутат Парламента имеет право, *inter alia*, рассматривать петиции граждан, направлять их в компетентные органы власти, участвовать в их рассмотрении и при этом следить за соблюдением закона.

Не было никакой причинно-следственной связи, указало государство-ответчик, между письмом г-на Мишина и последующим решением прекратить уголовное дело в отношении четверых сотрудников полиции. Как указало государство-ответчик, Генеральная прокуратура является действительно независимым государственным органом, независимость которого гарантируется Конституцией и законодательством страны (см. выше, пункты 36 и 40 настоящего постановления).

Более того, заявитель не разъяснил национальным судам причины своих действий таким же образом, как он разъяснял их своему работодателю (см. выше, пункты 18 и 20 настоящего постановления). По мнению государства-ответчика, это также указывает на его недобросовестность и демонстрирует, что действительным мотивом, которым он руководствовался при раскрытии информации, была не борьба с коррупцией, а его попытка причинить неприятности соответствующим лицам.

66. Поскольку, как изложено выше, г-н Мишин не пытался оказать давление на Генерального прокурора, информация, содержащаяся в его письме, не представляла интереса для общества.

67. Более того, заявитель не направил информацию компетентному органу власти и действовал опрометчиво. Не было никакой информации срочного характера или относительно событий необратимого свойства, которая касалась бы жизни или здоровья граждан либо вреда окружающей среде. Заявитель был вправе предать гласности информацию вовне только в том случае, если не имелось возможности доложить ее внутри ведомства. Любой акт такого предания информации гласности в первую очередь должен был адресоваться высшим эшелонам Генеральной прокуратуры, а затем Парламенту (включая комитеты Парламента, политические фракции и политическую оппозицию) вместо того, чтобы сразу обращаться напрямую в прессу.

В поддержку своей позиции государство-ответчик направило в Европейский Суд копии нескольких жалоб, которые были представлены гражданами Республики Молдова в Парламент страны и которые касались вопросов предполагаемых нарушений закона в трудовых отношениях и других вопросов. Все эти жалобы, похоже, были направлены Парламентом в компетентные государственные органы, такие как Генеральная прокуратура и Высший совет магистратуры Республики Молдова, и сам Парламент этими жалобами более не занимался.

Государство-ответчик утверждало, что в двадцать одном штате США законодательство не предоставляет правовую защиту актам разглашения сведений средствами массовой информации, тогда как в Соединенном Королевстве правовая

защита актов сигнализирования о правонарушениях вовне допускается только в крайне редких и строго определенных обстоятельствах.

68. Ввиду характера обязанностей и ответственности государственных служащих рамки свободы усмотрения, которой наделены государства при вмешательстве в осуществление права человека на свободу выражения мнения, являются весьма широкими. Государство-ответчик указало, наконец, что суровость наложенного на заявителя взыскания была пропорциональной тяжести содеянного заявителем.

2. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

(а) Общие принципы, применимые в настоящем деле

69. Центральным вопросом настоящего дела, который надлежит разрешить, это вопрос о том, было ли вмешательство публичных властей в осуществление заявителем своего права «необходимым в демократическом обществе». Основные принципы в этом отношении глубоко укоренились в прецедентной практике Европейского Суда и были суммированы следующим образом (см. среди других источников по данному вопросу упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Йерсильд против Дании», с. 23, § 31; постановление Европейского Суда от 25 августа 1998 г. по делу «Хертель против Швейцарии» [*Hertel v. Switzerland*], § 46, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports of Judgments and Decisions*] 1998-VI, с. 2329—2330, § 46; а также постановление Европейского Суда по делу «Стил и Моррис против Соединенного Королевства» [*Steel and Morris v. the United Kingdom*] (жалоба № 68416/01), § 87, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2005-II):

«(i) Свобода выражения мнения составляет одну из важнейших основ демократического общества и одно из основных условий его прогресса и самореализации каждой личности. С учетом требований пункта 2 статьи 10 Конвенции, она относится не только к «информации» или «идеям», которые воспринимаются благоприятно, считаются безобидными или встречаются с безразличием, но и к тем, которые оскорбляют, шокируют или тревожат. Таковы требования плюрализма, толерантности и широты взглядов, без которых «демократического общества» не существует. Как установлено в статье 10 Конвенции, эта свобода подлежит ограничениям, которые, <...> однако, должны истолковываться строго, а необходимость каких-либо ограничений должна быть убедительно обоснована. <...>»

(ii) Прилагательное «необходимый» по смыслу положений пункта 2 статьи 10 Конвенции предполагает наличие «настоятельной общественной необходимости». Высокие Договаривающиеся Стороны обладают некоторой свободой усмотрения при определении того, существует ли такая необходимость, но эта свобода подлежит общеевропейскому контролю, который распространяется как на законодательство, так и на правоприменительные акты, даже на те, которые изданы независимым судом. Таким образом, Европейский Суд вправе вынести окончательное постановление по вопросу о том, было ли примененное властями «ограничение» прав совместимым со свободой выражения мнений, как она защищается положениями статьи 10 Конвенции.

(iii) Задача Европейского Суда при реализации своих контрольных полномочий состоит не в том, чтобы занять

место компетентных национальных властей, а в том, чтобы рассмотреть на предмет соответствия статье 10 Конвенции решения, вынесенные ими в рамках своей свободы усмотрения. Это не означает, что контроль ограничен определением того, реализовало ли государство-ответчик свое усмотрение разумно, тщательно и добросовестно; задача Суда состоит в рассмотрении обжалуемого вмешательства в свете дела в целом и определении того, являются ли основания, приводимые национальными властями в его оправдание, «существенными и достаточными», и было ли оно «соразмерно преследуемой правомерной цели». <...> При этом Суд должен быть уверен в том, что национальные власти применили стандарты, совместимые с провозглашенными статьей 10 Конвенции принципами, и, кроме того, что они основывались на приемлемой оценке соответствующих фактов <...>».

70. Европейский Суд далее вновь подтверждает, что статья 10 Конвенции применяется и в отношении места работы заявителей и что государственные служащие, такие как заявитель, имеют право на свободу выражения мнения (см. выше, пункт 52 настоящего постановления). В то же время Суд помнит о том, что работники обязаны соблюдать лояльность по отношению к своим работодателям, проявлять сдержанность и осмотрительность. Это в особенности касается государственных служащих, поскольку в силу характера гражданской службы государственный служащий связан обязательством соблюдать лояльность и проявлять осмотрительность (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Фогт против Германии», § 53; упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Ахмед и другие заявители против Соединенного Королевства» [*Ahmed and Others v. the United Kingdom*], § 55; а также постановление Европейского Суда от 14 марта 2002 г. по делу «Де Диего Нафрия против Испании» [*De Diego Nafria v. Spain*] (жалоба № 46833/99), § 37).

71. Поскольку задачей государственных служащих в демократическом обществе является содействие государству в выполнении его функций и поскольку общество вправе ожидать, что они будут оказывать помощь, а не мешать демократически избранным государственным органам, обязанность соблюдать лояльность и проявлять сдержанность приобретает для них особое значение (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Ахмед и другие заявители против Соединенного Королевства», § 53). Кроме того, государство по различного рода правомерным соображениям может быть заинтересовано в том, чтобы считать конфиденциальной или секретной информацию, к которой государственные служащие часто имеют доступ в силу самого характера своего должностного положения. Поэтому обязанность государственных служащих проявлять осмотрительность также в общем является твердой.

72. До настоящего времени, однако, Европейский Суд не рассматривал дел, в которых речь шла о случаях, когда государственный служащий публично предавал гласности внутриведомственную информацию. В этом смысле в настоящем деле поднимается новый вопрос, который отличается от того, который был поднят в деле «Штоль против Швейцарии» [*Stoll v. Switzerland*] (постановление Большой Палаты Европейского Суда от 10 декабря 2007 г. по жалобе № 69698/01¹); в этом деле обнародование служебной информации имело место без участия государственного служащего. В этой связи Суд отмечает, что государственному служащему в ходе его работы может стать известна внутриведомственная информация, в том числе и

¹ Перевод данного постановления был опубликован в 8-м номере журнала за 2008 год (примечание редакции).

секретная информация, разглашение или опубликование которой сильно отвечает интересам общества. Суд по этой причине считает, что сигнализирование государственным служащим или работником государственного сектора о противозаконных действиях или правонарушениях, совершаемых по месту его работы, должно при определенных обстоятельствах пользоваться правовой защитой. Такая защита может понадобиться в случаях, когда работник или государственный служащий является единственным лицом или одним из небольшой категории лиц, кто знает, что происходит на работе, и тем самым он находится в наиболее выгодном положении, чтобы действовать в интересах общества, привлекая к подозрительному факту внимание своего работодателя или общества в целом. В данном контексте Суд учитывает следующую позицию из Пояснительного доклада к Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (см. выше, пункт 46 настоящего постановления):

«На практике случаи коррупции трудно поддаются выявлению и расследованию, и часто первыми, кто узнаёт о неправомерном поведении или начинает подозревать, что что-то не так, бывают служащие или коллеги (будь-то в частной организации или в государственном ведомстве) замешанных в коррупции лиц».

73. В свете упомянутой выше обязанности государственных служащих проявлять осмотрительность сообщение информации должно быть в первую очередь сделано вышестоящему должностному лицу или иному компетентному органу власти. И только в тех случаях, когда таковое становится явно невозможным, информация может быть, как крайний случай, передана гласности обществу (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше решение Комиссии по правам человека по делу «Хэйзелдайн против Соединенного Королевства»). Оценивая, было ли ограничение свободы выражения мнения пропорциональной мерой, Европейский Суд поэтому должен принять во внимание факт, были ли доступны заявителю какие-либо иные эффективные средства заглаживания вреда от правонарушения, которое он намеревался разоблачить.

74. В ходе определения пропорциональности акта вмешательства публичных властей в осуществление государственным служащим своего права на свободу выражения мнения в подобном случае Европейский Суд должен также учесть ряд других факторов. В первую очередь особое внимание должно быть уделено общественному интересу к обнародуемой информации. Европейский Суд вновь подтверждает, что согласно положениям пункта 2 статьи 10 Конвенции сфера действия ограничений на обсуждение вопросов, представляющих общественный интерес, узка (см. среди других источников по данному вопросу постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сюрек против Турции (№ 1)» [*Sürek v. Turkey (№ 1)*] (жалоба № 26682/95), § 61, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 1999-IV). При демократической системе правления действия или бездействие государства должны быть объектом пристального внимания не только законодательной и судебной властей, но также и средств массовой информации и общества. Интерес общества к конкретной информации иногда может быть настолько силен, что он перевешивает даже законным образом возложенную на то или иное лицо обязанность соблюдать конфиденциальность (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фрессоз и Руар против Франции» [*Fressoz and Roire v. France*] (жалоба № 29183/95), Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR]

1999-I; а также постановление Европейского Суда по делу «Совместное предприятие “Радио Твист” против Словакии» [*Radio Twist, a.s. v. Slovakia*], (жалоба № 62202/00), Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2006 —...).

75. Второй фактор, имеющий отношение к данному взвешиванию различных интересов по делу, является вопрос о подлинности раскрываемой информации. Органы государственной власти вольны в принятии мер, направленных на надлежащее и без крайностей реагирование на диффамационные обвинения, лишённые оснований или изложенные недобросовестно (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 23 апреля 1992 г. по делу «Кастельс против Испании» [*Castells v. Spain*], серия «А», № 236, § 46). Более того, свободе выражения мнения сопутствуют обязанности и ответственность, и любое лицо, решившее обнародовать информацию, должно тщательно проверить — в той степени, в какой позволяют обстоятельства, — что она точна и достоверна (см., *mutatis mutandis*, решение Комиссии по правам человека от 3 мая 1988 г. по делу «Мориссенс против Бельгии» [*Morissens v. Belgium*] (жалоба № 11389/85, Сборник решений и докладов Комиссии по правам человека [DR] 56, с. 127; а также постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Общество с ограниченной ответственностью “Бладет Тромсё” и Стенсаас против Норвегии» [*Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway*] (жалоба № 21980/93), § 65, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 1999-III).

76. При взвешивании различных интересов по делу на другую чашу весов Европейский Суд должен положить ущерб (если таковой вообще был причинен), который был нанесен государственной власти в результате обнародования информации, и оценить, перевешивает ли этот ущерб интерес общества к тому, чтобы информация была передана гласности (см., *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда от 16 декабря 1992 г. по делу «Хаджианастасио против Греции» [*Hadjianastassiou v. Greece*], серия «А», № 252, § 45; а также упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штоль против Швейцарии», § 130). В этой связи могут иметь значение содержание обнародуемой информации и характер деятельности затрагиваемого органа власти (см. упомянутое выше решение Комиссии по правам человека по делу «Хэйзелдайн против Соединенного Королевства»).

77. Мотивы, движущие работником, обнародующим информацию, являются другим определяющим фактором при решении вопроса, следует ли предоставлять правовую защиту конкретному акту предания гласности информации или нет. Например, акт, мотивированный личным недовольством, или личной неприязнью, либо ожиданием личной выгоды, включая материальную выгоду, не может оправдать высокий уровень правовой защиты (см. упомянутое выше решение Комиссии по правам человека по делу «Хэйзелдайн против Соединенного Королевства»). Важно установить, что, обнародуя информацию, лицо действует добросовестно и с верой, что эта информация правильная, что имеется общественный интерес к ее обнародованию и что нет доступных этому лицу иных, более осторожных средств заглаживания вреда.

78. Наконец, в связи с проверкой пропорциональности вмешательства публичных властей в осуществление заявителем своего права по отношению к преследуемой при этом цели требуется внимательный анализ наказания, назначенного заявителю, и его последствия (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Фуэнтес Бобо против Испании», § 49).

79. Теперь Европейский Суд в свете вышеуказанных принципов даст оценку обстоятельствам настоящего дела.

(b) Применение вышеуказанных принципов в настоящем деле

(i) Вопрос о том, имелись ли у заявителя альтернативные каналы для предания информации гласности

80. Заявитель утверждал, что в его распоряжении не было никакого эффективного альтернативного канала для предания информации гласности, тогда как государство-ответчик утверждало, что, напротив, заявитель мог бы по первой инстанции обратиться к своим вышестоящим руководителям, а затем — к Парламенту или парламентскому адвокату, если необходимо.

81. Европейский Суд отмечает, что ни законодательство Республики Молдова, ни внутренние правила Генеральной прокуратуры не содержали какого-либо положения, касающегося порядка сообщения сотрудниками данных о нарушениях (см. выше, пункт 32 настоящего постановления). Представляется поэтому, что не было органа власти, кроме вышестоящих руководителей заявителя, куда бы он мог сообщить о своей озабоченности, не было никакого установленного порядка для обращения с сообщением о нарушениях.

82. Представляется также, что предание информации гласности касалось действий заместителя Председателя Парламента, который является высокопоставленным должностным лицом в государстве, и что, несмотря на то, что Генеральный прокурор знал о ситуации в течение около шести месяцев, он не показал никаких признаков какого-либо своего намерения отреагировать, но вместо этого создал впечатление, что он уступил давлению, которое было оказано на его ведомство.

83. Что касается альтернативных способов предания информации гласности, упоминавшихся государством-ответчиком (см. выше, пункт 67 настоящего постановления), то Европейский Суд находит, что ему, Суду, не было представлено никаких удовлетворительных доказательств в опровержение утверждений заявителя о том, что ни одна из предлагавшихся альтернатив не была бы эффективной в особых обстоятельствах настоящего дела.

84. В свете вышеуказанного Суд считает, что в обстоятельствах настоящего дела сообщение информации вовне, даже в газету, могло быть оправданным.

(ii) Вопрос об общественном интересе к информации, преданной гласности

85. В своих представлениях Европейскому Суду заявитель указал, что сопроводительная записка г-на Мишина является доказательством политического вмешательства в процесс отправления правосудия. Государство-ответчик с этим не согласилось.

86. Европейский Суд отмечает, что в своем письме сотрудники полиции просили г-на Мишина проверить законность уголовных обвинений, предъявленных им прокуратурой (см. выше, пункт 10 настоящего постановления). Г-н Мишин отреагировал на просьбу, направив официальное письмо Генеральному прокурору. Государство-ответчик указало, что действия г-на Мишина соответствовали, *inter alia*, положениям Закона «О статусе депутата». В этом контексте Суд считает необходимым вновь подтвердить, что в демократическом обществе как суды, так и следственные органы должны быть свободны от политического давления. Любое толкование любой нормы законодательства, устанавливающей права депутатов Парламента, должно подчиняться этому принципу.

Изулив сопроводительную записку, которую г-н Мишин написал Генеральному прокурору, Европейский Суд не может согласиться с тем, что ее целью было просто направить

письмо сотрудников полиции в компетентный государственный орган, как это указывало государство-ответчик (см. выше, пункт 65 настоящего постановления). Более того, ввиду контекста направления сопроводительной записки и формулировок, использованных г-ном Мишиным, нельзя исключать, что целью сопроводительной записки было оказать давление на Генеральную прокуратуру, несмотря на то, что в записку была включена фраза о том, что уголовное дело должно быть «разрешено в строгом соответствии с законом» (см. выше, пункт 10 настоящего постановления).

87. На этом фоне Европейский Суд отмечает, что Президент страны проводил кампанию против практики вмешательства политических деятелей в функционирование системы уголовной юстиции и что средства массовой информации Молдавии данный вопрос освещали широко (см. выше, пункт 11 настоящего постановления). Суд также отмечает доклады международных неправительственных организаций (см. выше, пункты 40—42 настоящего постановления), в которых была выражена озабоченность развалом системы разделения властей и отсутствием независимости суда в Молдавии.

88. В свете вышеизложенного Европейский Суд считает, что письма, обнародованные заявителем, имели отношение к таким вопросам, как разделение властей, неправомерные действия высокопоставленного политического деятеля и отношение государства к жестокости со стороны сотрудников полиции (см. выше, пункты 10 и 14 настоящего постановления). Нет никакого сомнения в том, что это — весьма важные вопросы в демократическом обществе, о которых граждане должны быть информированы и которые являются предметом политических дебатов в обществе.

(iii) Вопрос о подлинности обнародованной информации

89. Стороны в деле сходятся в том, что письма, переданные заявителем в газету «Журнал де Кишинэу», были подлинными (см. выше, пункт 26 настоящего постановления).

(iv) Вопрос о вреде, причиненном репутации Генеральной прокуратуры

90. Европейский Суд отмечает, что в интересах общества поддерживать веру граждан в независимость и политический нейтралитет прокурорских органов государства (см., *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда от 26 апреля 1995 г. по делу «Прагер и Обершлик против Австрии» [*Prager and Oberschlick v. Austria*], серия «А», № 313, § 34). Письма, переданные заявителем в газету, не были написаны должностными лицами Генеральной прокуратуры, и согласно тому, что указало государство-ответчик, письмо от г-на Мишина содержало нормальную формулировку, используемую при общении между собой различными государственными органами, и само это письмо не сказалось на решении Генеральной прокуратуры прекратить уголовное дело по обвинению сотрудников полиции. Тем не менее вывод, к которому пришла газета в своих статьях, состоявший в том, что Генеральная прокуратура была объектом противоправного давления, мог бы иметь серьезные отрицательные последствия для веры граждан в независимость этого учреждения.

91. Однако Европейский Суд считает, что общественный интерес в получении информации о противоправном давлении на прокуратуру и вскрытых отклонениях от норм внутри прокуратуры настолько важен в демократическом обществе, что он перевешивает интерес в поддержании общественного доверия к Генеральной прокуратуре. Суд вновь подтверждает в этом контексте, что открытое об-

суждение тем, являющихся предметом озабоченности общества, чрезвычайно важно для демократии и необходимо учитывать огромную важность того, чтобы гражданам не препятствовали бы высказывать свои мнения по таким темам (см., постановление Европейского Суда от 22 февраля 1989 г. по делу «Барфод против Дании» [*Barfod v. Denmark*], серия «А», № 149, § 29).

(v) *Вопрос о том, действовал ли заявитель добросовестно*

92. Заявитель утверждал, что его единственным мотивом для предания писем гласности было желание помочь борьбе с коррупцией и торговлей влиянием. Эта позиция не оспаривалась его работодателем. Государство-ответчик, с другой стороны, высказало сомнение в добросовестности заявителя, утверждая, *inter alia*, что это пояснение он не дал в национальных судах.

93. На основании имеющихся у него материалов дела Европейский Суд не усматривает никаких оснований полагать, что заявитель был движим желанием извлечь личную выгоду, мотивировал свои действия личным недовольством своим работодателем или г-ном Мишиным или что имелся еще какой-либо иной скрытый мотив его действий. То обстоятельство, что он не заявил в национальных судах о своем желании помочь борьбе с коррупцией и торговлей влиянием, не является, по мнению Суда, решающим фактором, поскольку в судах заявитель концентрировался на опровержении оснований, по которым его работодатель уволил заявителя с должности, и не считал необходимым вдаваться в вопросы, которые его работодатель не оспаривал.

94. Соответственно, Европейский Суд приходит к заключению, что мотивы заявителя были таковыми, как он их представил Суду, и что заявитель действовал добросовестно.

(vi) *Вопрос о суровости взыскания, наложенного на заявителя*

95. Наконец, Европейский Суд отмечает, что на заявителя было наложено самое строгое взыскание. В то время как власти были вольны назначить менее суровое наказание, они предпочли уволить заявителя с его должности, что несомненно было очень строгой мерой (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Фогт против Германии», § 60). Это взыскание имело отрицательные последствия не только для карьеры заявителя, но могло также оказать серьезный замораживающий эффект¹ на других сотрудников прокуратуры и заставить их отказаться от информирования о любых формах неправомерных действий. Более того, ввиду освещения дела заявителя в средствах массовой информации взыскание, наложенное на заявителя, могло иметь замораживающий эффект не только на сотрудников прокуратуры но также и на многих других работников и государственных служащих.

96. Европейский Суд отмечает, что государство-ответчик утверждало, что заявитель попросту «похитил» письмо, которое, по мнению государства-ответчика, было секретным и относилось к материалам уголовного дела. Государство-ответчик также заявило, что письмом г-на Мишина не оказывалось никакого неправомерного давления на Генерального прокурора. Оно было нормальной формой общения между государственными органами и никак не было связано с решением прекратить уголовное

дело в отношении сотрудников полиции. В этих обстоятельствах Суд находит, что трудно оправдать применение такого сурового взыскания.

(с) Заключение

97. Памятуя о важности права человека на свободу выражения мнения по вопросам, представляющим всеобщий интерес, права государственных служащих и иных работников докладывать о неправомерном поведении и правонарушениях по месту их работы, обязанностей и ответственности работников по отношению к их работодателям и права работодателей управлять своими подчиненными, а также взвесив другие различные интересы, связанные с настоящим делом, Европейский Суд приходит к заключению, что вмешательство публичных властей в осуществление заявителем своего права на свободу выражения мнения, в частности его права на распространение информации, не было «необходимым в демократическом обществе».

Соответственно, по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 10 Конвенции.

III. В ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

98. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Вопрос о выплате заявителю компенсации за причиненные ему материальный ущерб и моральный вред

99. Заявитель просил назначить выплату ему суммы в размере 15 000 евро в качестве компенсации причиненного ему материального ущерба и морального вреда; эта сумма разбивается следующим образом: 6000 евро — в качестве компенсации потери заработка за период времени его незанятости после увольнения с должности, 6000 евро — в качестве компенсации за потерю перспективы профессионального карьерного роста и 3000 евро — в качестве компенсации причиненного ему морального вреда.

100. Государство-ответчик оспорило данные требования заявителя и утверждало, что они необоснованны и чрезмерны.

101. Европейский Суд считает, что заявителю были причинены материальный ущерб и моральный вред в результате увольнения его с должности. Производя свою оценку на основе принципа справедливости, Суд присуждает выплатить ему сумму компенсации в размере 10 000 евро.

B. Вопрос о возмещении понесенных заявителем судебных издержек и расходов

102. Представители заявителя просили назначить выплату им суммы в размере 6843 евро в качестве вознаграждения за оказанную ими юридическую помощь; 4400 евро из этой суммы просили выплатить г-ну Грибинчя и 2443 евро — г-ну Замэ. Представители заявителя представили подробный табель учета отработанных часов и соглашение об оказании

¹ Chilling effect (англ.) — замораживающий, охлаждающий, сковывающий эффект; этим выражением пользуются западные юристы и политологи для обозначения того воздействия, которое жесткие правовые нормы и правоприменительная практика в той или иной сфере могут оказывать на реализацию гражданами своих, номинально гарантированных прав и свобод. Чаще всего это выражение применяется в отношении свободы слова и печати (*примечание редакции*).

юридической помощи, в котором указывалось, что почасовые ставки вознаграждения этих адвокатов составляли 80 евро и 70 евро соответственно. Расчеты в таблице не включали время, потраченное на работу по пункту жалобы заявителя, связанному со статьей 6 Конвенции, который впоследствии был отозван заявителем.

103. Представители заявителя утверждали, что количество часов, которое они потратили на работу по делу, не было чрезмерным и оправдывалось сложностью дела, а также тем обстоятельством, что замечания по делу надлежало составлять на английском языке.

104. Что касается почасовых ставок вознаграждения, то адвокаты заявителя утверждали, что их ставки были в пределах, рекомендованных Коллегией адвокатов Республики Молдова — от 40 до 150 евро в час.

105. Представители заявителя также просили назначить выплату им суммы в размере 2413 евро в качестве возмещения расходов, связанных со слушанием дела 6 июня 2007 г., в каковую сумму были включены транспортные расходы, расходы на получение визы, расходы на приобретение страхового полиса и суточные.

106. Государство-ответчик оспорило сумму, просимую в качестве возмещения расходов на юридическое представительство заявителя. Государство-ответчик указало, что эта сумма является чрезмерной, оспорило количество часов, которое адвокаты заявителя потратили на работу по делу, и почасовые ставки, в особенности ставки г-на Замэ, у которого, по мнению государства-ответчика, не было необходимого опыта работы адвокатом, чтобы требовать оплату своих услуг по такой высокой ставке.

107. Что касается возмещения других расходов заявителя, то государство-ответчик утверждало, что его надлежит требовать от Европейского Суда.

108. Европейский Суд вновь подтверждает: для того, чтобы было назначено возмещение судебных издержек и расходов в порядке статьи 41 Конвенции, должно быть установлено, что они были действительно понесены, что они были необходимы и разумны, что касается их размера (см., например, постановление Европейского Суда по делу «Амихалакиоае против Молдавии» [*Amihalachioaie v. Moldova*] (жалоба № 60115/00), § 47, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2004-III). В настоящем деле, учитывая, что Суду был представлен список расходов с разбивкой по статьям, и учитывая сложность дела, Суд присуждает выплатить г-ну Грибинчя всю требуемую им сумму, г-ну Замэ — сумму в размере 1600 евро в качестве вознаграждения за оказанную им юридическую помощь и всю сумму, требуемую представителями заявителя в качестве возмещения расходов, связанных со слушанием дела 6 июня 2007 г.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

109. Европейский Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной кредитной ставки Европейского центрального банка, к чему надлежит прибавить три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *объявил* жалобу приемлемой для ее дальнейшего рассмотрения по существу;

2. *постановил*, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 10 Конвенции;

3. *постановил*

(а) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю, в течение трех месяцев сумму в размере 10 000 (десяти тысяч) евро в качестве компенсации причиненного заявителю материального ущерба и морального вреда, а также сумму в размере 8413 (восемь тысяч четырехсот тринадцати) евро в качестве возмещения понесенных заявителем судебных издержек и расходов, к чему надлежит прибавить сумму любого налога, подлежащего уплате с указанных сумм, каковые суммы подлежат переводу в национальную валюту государства-ответчика по курсу обмена валюты на день выплаты;

(б) что с момента истечения указанного трехмесячного срока и до момента фактической выплаты указанных сумм на них начисляются и подлежат выплате заявителю штрафные санкции, рассчитываемые как простые проценты по предельной годовой процентной ставке Европейского Центрального банка, к чему надлежит прибавить три процента;

4. *оставил без удовлетворения* остальные требования заявителя о выплате ему справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и французском языке и оглашено в открытом заседании Европейского Суда в составе Большой Палаты во Дворце прав человека, г. Страсбург, 12 февраля 2008 г.

Эрик Фриберг,
Секретарь-Канцлер
Европейского
Суда

Жан-Поль Коста,
Председатель
Большой Палаты
Европейского Суда

This translation was made and published with the financial support of the European Commission and the Council of Europe Joint Programme «Enhancing the capacity of legal professionals and law enforcement officials to apply the ECHR in domestic legal proceedings and practices».

*Перевод с английского языка.
Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»*